

Любова Машкова

ДОБРОВОЛЬНЫЙ РАБ ПЕРА

В конце прошлого года в возрасте 94 лет ушёл от нас старейшина казахской литературы Музафар Алимбаев – народный писатель Казахстана, лауреат Государственной премии республики, участник Великой Отечественной войны, один из авторов слов первого Государственного гимна, без хрестоматийных стихов которого не обходятся уроки казахской и русской литературы в школах страны. Всё это внешние значимые регалии и достижения дарованной Всевышним долгой и плодотворной жизни Музага. Но есть ещё невидимые нити, связывающие людей, даже когда они долго не общаются и не видятся, есть чувство благоговения и почитания к человеку, от одного присутствия которого в этом мире прибавляется сове-

ливости, справедливости, света и добра. Таким человеком был Музага. И провожали люди его в последний путь в великом благодарении, что он был среди нас, что он оставил нам своей жизнью, в своих книгах и беседах мудрый завет – оставаться человечными на нашей замечательной земле, жить в любви и взаимоуважении, довольствоваться необходимым, не терять глубинно присущее народу чувство юмора и жизнелюбие – наперекор всем невзгодам.

Мне доводилось общаться с Музага, писать о нём, бывать у него дома, где благодаря Шапау-апа царила спокойная атмосфера творчества и уюта. Шапау-апа, педагог по образованию, была и хранительницей очага, и музой, и врачом, и первым его читателем. И остаётся хранителем памяти вместе с тремя сыновьями и всей большой семьёй.

Очерк о Музафаре Алимбаеве, который мы предлагаем вниманию читателей «Простора», написан к его 80-летию, вошёл в мою очерковую книгу «Хранители огня» и нравился самому поэту. Долгая и светлая Вам память, незабвенный наш устаз и остро слов. Вы остаётесь с нами мудрым и добрым Учителем Жизни.

О человеческом общении, которое всё больше становится роскошью, думала я, выходя от Музафара-ага. И, словно в подтверждение этих мыслей, книга, подаренная им, открылась на примечательном стихотворении:

Давно – в незабываемую пору –
 Я старикам старательно внимал.
 Был жаден я до умных разговоров,
 Хоть был тогда и несмышлён, и мал.

Кахар наш старый – добрый сверстник деда,
 Крал камни слов и не жалел он сил,
 И сам с собою тихо вёл беседу,
 Но будто с целым миром говорил.

– Ты говоришь с собою? Это странно.
 И мне ответил не спеша сосед:
 – Что ж делать, не осталось больше равных,
 Достойных размышлений и бесед.

Увы, в торопливости своих будней мы и не тянемся быть достойными размышлений и бесед наших стариков. А их у нас всё меньше и меньше. «Другой раз заглянешь в альбом, а там на фотографии один-два человека в живых остались», – говорит Музафар-ага. Сам восьмидесятилетний аксакал «школе общения» и встречам с людьми выдающимися – от Исы Байзакова до Мухтара Ауэзова и Габита Мусрепова отводит исключительное место в своей писательской судьбе.

ЭТА ИСКРА – ОТ ПОЭЗИИ ИСЫ

– Всю жизнь я неустанно тружусь над своими стихами, исследованиями литературы и этнопедагогике, – признаётся он. – Раньше не бывало дня, чтобы ко мне не приходили стихи, будто кто их диктует, а я как секретарь записываю. Ночью кладу у лампы блокнот и ручку. Понятно, и мусорная корзинка свою порцию получает. Обидно, что молодёжь сейчас так мало занимается литературой. Мне кажется, и мои дети, если бы работали столько же, как я, большего бы добились. А я вот уже более шестидесяти лет – добровольный раб пера.

– А у вас не бывало так, что повседневные заботы, журналистика не давали писать стихи? Ведь это ваш афоризм: «Забота – бич мыслей»...

– Бывало и у меня – месяцами не писал. Теперь понимаю, надо себя пересиливать. Чайковский не зря говорил: когда я не играю день – это знаю только я, когда я не играю три дня – это знают мои слушатели. Надо оставаться в форме. Молодым сейчас действительно трудно – приходится думать о хлебе насущном, большинство журналов безгонорарные, издательства авторов мало поддерживают, даже если книги выпускают. А ведь у казахов в традиции – уважение к поэтическому слову, к поэтическому труду, к личности акына. Что значило сказать: за ручку моей двери держался Иса Байзаков! А мне ведь приходилось его слышать, наверное, моя поэтическая искра – от Исы.

Музафар Алимбаев – уроженец песенной Павлодарщины, откуда родом Иса Байзаков, Павел Васильев, земля которой помнит Иманжусупа и Магжана. В предисловии к московской книге М. Алимбаева «Кто начинает день», вышедшей в издательстве «Детская литература» в 1988 году стотысячным тиражом, Олжас Сулейменов писал: «“Здесь все поэты, здесь все поют!” – эта строка из моего юношеского стихотворения всегда всплывает в памяти, когда бываю в степях Прииртышья. Именно в этом песенном краю родился известный казахский поэт, пишущий одинаково талантливо и для взрослых, и для детей – Музафар Алимба-

ев. Имя Музафар – арабского происхождения, оно означает «победитель». Быть может, отец будущего поэта желал видеть сына сардаром – полководцем, но сын стал поэтом».

«Под песни матерей растут поэты», – заметит уже взрослым Музафар Алимбаев, потому что именно матери своей обязан он приобщением к поэтическому слову Абая, к народным эпосам, которые заучивал наизусть, это по её просьбе аульчане привозили ему из города книжечки, набранные арабским шрифтом – сказки Толстого, стихи Пушкина и Лермонтова. Но в восемь лет будущий поэт лишился отца, а в тринадцать – любимой матери, и отныне мог надеяться в жизни только на себя самого.

– Сирота из ста слов должен выбирать самые верные, точные слова, иначе он просто может остаться без обеда, – рассказывает Музага. – Я рос, познавая теплоту слов, пульс живой речи, взвешивая каждую фразу, слушая аульных аксакалов-мудрецов, мастеров красноречия. Ведь представьте, мне довелось видеть и слышать Ису Байзакова! Не потому ли в фольклоре, художественной литературе и даже периодической печати я всегда старался обратить внимание на новизну содержания – новую мысль, запоминающуюся образность. Учась в Павлодарском педучилище, начал живо интересоваться богатством лексики русского языка. Начал собирать казахские и русские пословицы, составлять для себя русско-казахский словарь.

Самым неожиданным образом это помогло будущему поэту, когда его призвали в армию. Всего три с половиной месяца был он рядовым, потом стал замполитрука, проводил политбеседы на русском языке, выступал на собраниях и летучках. С началом Великой Отечественной был утверждён заместителем командира миномётной батареи по политчасти, воевал на Калининском фронте, политруком батареи вошёл в Берлин. И стала грозить ему военная карьера: после войны оставили в кадрах Советской армии. Но ведь ему надо домой, ему надо писать! Осенью 1948 года по ходатайству казахстанского правительства Музафар Алимбаев был демобилизован. Тут, как считает он, выручило поэтическое слово – опубликованные в республиканской и фронтовой печати стихи. Сыграли они свою роль и в его назначении заведующим отделом поэзии журнала «Пионер».

ДОБРО НЕ ОПАЗДЫВАЕТ

– И тут пошло такое общение! – не скрывает и сегодня своей гордости аксакал. – С Таиром Жароковым, Сабитом Мукановым, самому Мусрепову статьи заказывал! В 1949 году Мухтару Ауэзову дали Сталинскую премию, по заданию редактора я позвонил ему домой (а до этого поздороваться боялся!) и попросил о встрече. Моим интервью о том, как Ауэзов работал над романом «Путь Абая» потом многие пользовались, правда, без ссылок на автора. Но я не жалею. Эта публикация положила начало доброму его ко мне отношению, он стал иногда брать меня с собой в поездки. Неоценимая школа! Бывало, задашь один вопрос, и начиналась на два часа беседа. Если Сабит Муканов в своих разговорах мог забыть начало, просил: запиши, запомни, то у Мухтара Омархановича была прекрасная память. Он проблему, как дуб выкорчёвывал – со всеми корневыми ответвлениями. Заслушаешься. Но вспльчив был как порох!

И Музафар-ага рассказывает, как, будучи завотделом художественной литературы газеты «Қазақ әдебиеті», готовил публикацию «Индийских очерков» М. Ауэзова. «Если что непонятно – звони», – предупредил его классик. А потом неожиданно появился в редакции сам: как дела? «Да вот, – рапортует тот, – заслал одну часть вашего очерка, правда, непонятно одно слово – “байтақы”». «Молодые, беспечные,

ни о чём не думают! – вспыллил Ауэзов. – Ты что, не слушаешь уйгурское радио? «Байтак» – это столица». Музафар-ага всеми интонациями голоса передаёт возмущение Ауэзова. И поясняет:

– Как у всех великих, у Мухана рядом с величием были житейские странности, так, например, он мог довериться первому встречному, сам открытый, не мог распознать лжи. Однако, увидев, что ошибся в человеке, отдалившись от него, никогда не станет мстить, ставить подножки. И всегда радовался всему талантливому в казахской литературе, культуре.

В одной из статей о молодой поэтической поросли отмечает Ауэзов и Музафара Алимбаева в числе тех, на кого возлагает надежды. Слушая Музага, я поневоле с завистью думаю: вот так послевоенная полуразрушенная страна собирала под крыло своих поэтов, вот так поддерживали их старшие. Увы, молодая наша республика, переживая трудности роста, слишком опрометчиво даёт разлететься по миру своим дарованиям – музыкантам, танцорам, певцам. А поэтам лететь некуда, пуповиной – родным языком связаны они с отчим домом, только здесь могут они найти и имеют право искать поддержку. И потому жизненно важной звучит сегодня инициатива Мурата Мухтаровича Ауэзова о защите прав творческой личности, о повышении роли творческих союзов в формировании профессиональной среды.

А Музафара Алимбаева поддержал и другой классик казахской литературы – Габит Махмудович Мусрепов, которому он показал свои переводы из Пушкина. Два из них получили оценку «отлично» у придирчивого редактора, каким слыл Мусрепов, тонкий стилист, обладавший необыкновенным чутьём к родному языку. «О, как помогают тёплые отзывы титанов литературы о твоих первых шагах!» – напишет в одной из своих статей Музафар Алимбаев.

В 1958 году в Казахстане впервые начал издаваться журнал для октябрят «Балдырған» – «Росток», и Музафара Алимбаева выдвинули главным редактором нового издания, где он проработал до осени 1986 года – 28 лет, три месяца и 15 дней, как скрупулёзно высчитал он сам. И это во многом стараниями Музафара Алимбаева «Балдырған» был центром развития казахской детской литературы и школой молодых поэтов и писателей. Но эта работа не помешала ему стать автором более пятидесяти разножанровых книг. Лучшие стихи переложены на музыку, среди них – ставшие подлинно всенародными: «Маралдым», «Ясноликая», «Белый сокол», «Чудной же ты, джигит», «Он – наш учитель». В 1984 году он стал лауреатом Государственной премии имени Абая, в 1994 году ему присвоено звание народного писателя. В ответ на шутку острословов-ровесников: «Всего ты достиг с большим опозданием», – быстрый на язык Музага отвечает: «Добро никогда не опаздывает».

– Это касается и нашей жизни с Шапау-апа, – говорит он мне. – Поженились мы поздно, хотя впервые я увидел её девочкой в доме своего учителя. И вот уже справили золотую свадьбу. Она и первый критик, и читатель, и помощник мой, сама учитель истории, жизнь посвятила мне и детям. У казахов есть пословица: «С кем молодым вышел перед народом, с тем и седину приобретаешь». Я думаю, это правильно. Без моей жены не было бы и моих книг.

НЕ ДЛЯ ВОЖДЕЙ, А ДЛЯ ДЕТЕЙ

Музафар-ага показывает мне многочисленные издания – целую библиотеку собственных книг на казахском языке, на русском, киргизском, туркменском и даже на китайском – сборник его афоризмов. Он переводил – и его переводили, лучшие стихи Музафара Алимбаева звучали на многих языках народов мира.

Среди книг вижу сборник известного русского поэта Ярослава Смелякова с дарственной надписью. Оказывается, Смеляков был редактором первой его переводной книги, изданной в Москве. Как вспоминает аксакал, во всём, что касалось поэзии, мэтр был бескомпромиссен, беспощадно боролся со всякой переводческой отсебятиной. «Ты что, лучше Алимбаева пишешь, что домысливаешь за него?» – распекал он Фёдора Моргуна. Смеляков сам немало переводил казахских поэтов, например, его связывали годы дружбы с Абдильдой Тажибаевым. «В Алма-Ате летом // трудно быть поэтом // и не пить при этом», – вспоминаю я приписываемую Ярославу Васильевичу фразу.

– Так это же я за ним записал, а он потом стал от неё отрезаться, – смеётся Музафар-ага. – Вообще Смеляков был удивительным оптимистом. Несмотря на то что он отсидел большой срок, книги его пустить под нож не решились, слишком был известен.

– А сами Вы в своих переводах всегда были точны?

– Переводы меня чуть не погубили, – говорит Музафар-ага. – По молодости я так увлёкся Шандаром Петефи, что даже сам писать перестал. Здесь есть и такая опасность.

– Зато Вы стали «специалистом-петефистом», вас даже в Венгрию благодарно приглашали. Ну а вершина переводческой удачи? Есть такая в казахской литературе?

– Пушкинский «Евгений Онегин» в переводе Куандыка Шангитбаева. Он даже онегинскую строфу сохранил, всю её звукопись, богатейший словарь. И в своих стихах – в каждом! – Куандык непременно или воскресит старое, или новое слово введёт в оборот. Но, к сожалению, писал он мало. Вот пример поэта, которого с молодости чуть не погубили рьяные критики за то, что не было у него стихов у Сталине. А ведь предисловие к его первой книге написал Мухтар Ауэзов. У меня в поэме «Естай – Хорлан» есть строка: «Место поэта либо на торе, либо в тюрьме». Поэма написана в 60-е годы, когда кратковременная оттепель сменилась ещё более жесточённой цензурой на всякое упоминание репрессированных вождей Алаш-Орды, будивших национальное самосознание народа – Ахмета Байтурсынова, Миржакупа Дулатова, Жусупбека Аймауытова, Шакарима Кудайбердиева. Старшие поколения хорошо сохранили их в памяти, а вот молодёжь совсем не знала о них. Мне хотелось этими строками напомнить о великих сынах народа, и научившиеся читать между строк читатели вполне понимали, о чём и о ком речь. Нам нередко приходилось пользоваться эзоповым языком, такое было время.

– Но ведь и Вам, наверно, приходилось писать стихи о партии и её вождях?

– Меня спасала детская поэзия, она же о вечных ценностях: о добре и зле, о правде и лжи. Хотя были и здесь неприятности. Написал я цикл стихов о казахской кухне. В том числе о балкаймаке, назвав его «казахским шоколадом». А мне его за слово «казахский» убрали. Нельзя было писать: казахская земля, казахский народ. В 1957 году сняли главного редактора «Қазақ әдебиеті» фронтовика Сырбая Мауленова за то, что опубликовал статью в защиту казахского языка. У цензоров был перечень запретительных тем и дат: 32-33-й годы – голод, 37-й – репрессии... Доходило до курьёзов. В книге пословиц народов мира мне вдруг запрещают афганскую поговорку: «Плешивому расчёска не нужна», потому что она может напомнить «об одной известной личности» – Хрущёве. Да этой известной личности и в помине не было, когда родилась поговорка!

– В казахской критике можно встретить мнение, что казахская поэзия в шестидесятые годы из-за своей конъюнктурности просто сошла на нет.

– У Баламера Сахариева есть хорошие слова: «Некоторые наши поэты хотели бы историю литературы начинать со своего первого стихотворения. А историю

страны – со своего рождения». Именно в шестидесятые годы ярко вошли имена Туманбая Молдагалиева, Кадыра Мырзалиева, Олжаса Сулейменова, целой плеяды великолепных прозаиков. Мы пробивались через рогулины изматывающей цензуры со строками, которые, может быть, сегодня мало говорят читателю, но для современников наших много значили. И нас понимали с полуслова.

Именно об этой поэзии, о стихах Музафара Алимбаева Ильяс Омаров («по образованию торговый работник, по призванию – министр культуры» – слова Музага) писал: «В вашей поэзии есть пламенная сила, питаемая народным благородством». И всё-таки Музафар Алимбаев ушёл в детскую литературу и именно за неё, а не за поэму «Естай и Хорлан» получил Государственную премию. Зато и нет во всей казахской литературе поэта более востребованного в школах независимого Казахстана, чем Музафар Алимбаев. Но и он, окончив учительское училище в довоенном Павлодаре, всю жизнь не оставлял педагогической стези, занимаясь изучением народной педагогики. Вот и в нашем разговоре Музага с интересом начинает развивать свою любимую тему об этнопедагогике, о том, что в вузах, наконец, возник к ней интерес, и, может быть, пригодятся, наконец, и его труды. «Ведь именно в народной педагогике заложены основы воспитания патриотов, граждан своей страны, – считает он. – Дети должны расти на колыбельных и сказках своих мам и бабушек, а не на телевизионных мультяшках-ужастиках. В казахской семье это было традицией».

«МУЗАФАРИЗМЫ» ДЛЯ НАРОДА

Ещё в 1972 году в московском сборнике статей и очерков советских писателей «Вслух про себя» Музафар Алимбаев писал: «Писатель должен быть мыслителем, философом. Оценить прошлое, разобраться в настоящем, думать о будущем. Прошлое – всегда ли это означает устаревшее? Сегодняшнее – значит ли это, что оно обязательно новое? Что мы с собой возьмём в дальнюю дорогу из прошлого? Какими качествами нынешнее поколение выше предыдущего? Чем богат духовный мир современника? О, как много таких вопросов...» На все эти вопросы писатель до сих пор ищет ответы.

– Бодрозь, гражданская активность писателя является аккумулятором, постоянно заряжающим энергией сердце, ум, вдохновение творческой личности, – говорит Музага. – Наоборот, безразличие, беззаботность мне представляются ржавчиной, которая разъедает сердце поэта, тем самым отдаляя его от народа, сокращая и его собственные дни. Великий казахский писатель-мыслитель Жусупбек Аймауытов в письме летописцу, знаменитому собирателю казахского фольклора Машшур Жусупу писал: «Мне кажется, что с возрастом мозг человека всё заметнее закаляется». Достигнув солидного возраста, я сам замечаю и могу подтвердить умозаключение Жусупбека... По мере сил (физических) я до сих пор тружусь ежедневно: читаю книги, сочиняю стихи, пишу исследовательские статьи и тексты для песен, последние даются совсем нелегко. Творческий поиск для писателя в моем возрасте есть и утешение, и лечение. Покой для таких, как я, смерти подобен.

А ещё аксакал признался, что, беседует ли он с гостями, читает ли книги своих товарищей или авторов прошлых времён, он до сих пор неустанно сочиняет афоризмы. Эта привычка появилась с юношеских лет, первый свой афоризм Музафар Алимбаев сочинил в 16 лет, и звучал он так: «Если у врача нет чутья, не жди толка». Теперь афоризмов более трёх тысяч, они напечатаны в его книгах, в периодической печати, переведены на русский язык (публиковались в «Казправде», «Ленинской смене», «Вечерней Алма-Ате»). Об этой стороне творчества старшего собрата

пишет Герольд Бельгер в своей замечательной книге «Казахское слово»: «Ещё школьником я прилежно собирал казахские пословицы. Но потом понял: в мире пословиц можно утонуть. Да и разных сборников выходило немало. А Музафар Алимбаев не только собирал народные пословицы, но и сам сочинил их в огромном количестве (острословы-шутники называют их музафаризмами, по аналогии с афоризмами) и переводил, искусно рифмуя, из других языков». Сам Музафар-ага говорит, что страсть к образной народной речи пробудила в нем... критика.

– В молодости меня обвинили в лексической бедности языка. А меня критика только подстёгивает. Я стал собирать народные пословицы, поговорки, крылатые слова, загадки, скороговорки. Причём не только казахские, а всех народов мира, и переводить. А это трудно – найти и смысловой, и звуковой эквивалент. Сейчас их у меня более двадцати тысяч. Зато никто уже в лексической бедности не обвиняет. Наоборот, звонят, чтобы уточнить смысл слова, выражения. Я обрёл вкус к чтению словарей. Их у меня около двухсот. Вот такой том собранного мною переиздан в Китае, – показывает поэт солидный фолиант.

Музафаром Алимбаевым переведены пословицы и поговорки 85 народов и национальностей земли, многие вошли в книги, например в сборник «Жемчужница слов», вышедший в 1978 году. Горький говорил: «...ума и чувства в пословицах на целые книги», не потому ли и собственные афоризмы Музага расходятся в народе, теряя авторство, становятся заголовками газет, острым словом в устах телеведущих. А сам поэт по-прежнему не устаёт восхищаться образной народной речью. И сетует, что сегодняшняя молодёжь не обращает внимания на перлы народной речи, не собирает их. «Подумайте: казахским народом на протяжении веков создано 640 эпосов, 10 тысяч песен, 7 тысяч кюев. Найдутся ли ещё подобные примеры? Молодёжь должна помнить об этом, заботиться о своём родном языке, лелеять его», – говорит народный писатель.

...Музафаром – победителем назвал своего сына в далёком 23-м году отец, ставший среди многих других жертвой голода тридцатых годов. Музафар не стал сардаром-полководцем, но он стал победителем: он победил Великую войну, вернувшись с неё живым, он победил великое расстояние – от сердца поэта к сердцу своего читателя. Добавим – и своего маленького, самого благодарного и самого взыскательного читателя. Ведь не меньше, чем дети советской страны, любят стихи аксакала дети суверенного Казахстана: в любой школьной хрестоматии вы найдёте его яркие, легко запоминающиеся строки, над которыми не властно время, которые не поддаются девальвации в любой из общественно-социальных систем, потому что они – о вечных человеческих ценностях:

Лишь раз воды из родника пригубишь –
К нему всегда душой тянуться будешь.

Всего лишь раз в родном лесу побудешь –
К нему всегда душой тянуться будешь.

И в первый раз целуя наше знамя,
Душой запомнишь трепетное пламя.

И это все, покуда сердце бьётся,
Для нас так просто Родиной зовётся.

